

УЧАСТИЕ ТАТАР В РОССИЙСКО-АЗИАТСКОЙ ТОРГОВЛЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Гибадуллина Эльза Маратовна

*К.и.н., доцент, Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязева
gibelza@yandex.ru*

PARTICIPATION OF TATARS IN RUSSIAN-ASIAN TRADE IN THE NORTH-WEST OF THE KYRGYZ STEPPE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

E. Gibadullina

Summary: The main forms of Russian-Asian trade before the accession of the Kyrgyz steppe to Russia and the establishment of a protectorate over the khanates of Central Asia were caravan and transit-exchange. The dominance of the Tatars in such trade, which began in the first third of the XVIII century, was observed until the second half of the XIX century, and it is an example of peaceful, mutually beneficial cooperation with Asian peoples, which was an integral part of the multi-vector strategic course of the Russian government in achieving the main goal: protecting the eastern suburbs from nomadic raids, countering Great Britain in its quest for world expansion.

Keywords: caravan trade, transit and exchange trade, merchants, customs, exchange yard, active trade balance.

Аннотация: Основными формами российско-азиатской торговли до присоединения к России Киргизской степи и установления протектората над ханствами Средней Азии были караванная и транзитно-меновая. Доминирование татар в подобной торговле, начавшееся в первой трети XVIII в., наблюдалось до второй половины XIX в. и является образцом мирного, взаимовыгодного сотрудничества с азиатскими народами, что было составной частью многовекторного стратегического курса российского правительства в достижении главной цели: защиты восточных окраин от набегов кочевников, противодействия Великобритании в ее стремлении к мировой экспансии.

Ключевые слова: караванная торговля, транзитно-меновая торговля, купцы, таможня, меновой двор, активный торговый баланс.

Вторая половина XIX в. в истории России характеризуется ростом антикрепостнических настроений, отменой крепостного права и последовавшими за этим буржуазными реформами, ставшими мощным импульсом для экономического подъема. В пореформенный период по темпам роста промышленного производства Россия опережала не только Европу, но и США [31, с.55].

Для дальнейшего успешного развития российской экономике требовалось увеличение объема ресурсов, расширение рынков сбыта готовой продукции, принятие законов, направленных на поощрение как внутренней, так и внешней торговли, включение в нее более широкого круга участников.

Характеризуя внешнеторговую деятельность России в XIX в., исследователь Кононкова Н.В. отмечает отсутствие в ней единой системы государственного регулирования, объясняя это асимметрией экономического и социального развития территорий; внимание правительства к российско-азиатской торговле, например, было тесно связано с закреплением в регионе политических интересов России [7, с. 94].

Как отмечает М.К. Рожкова, в 50-60-е годы XIX в. рынок Европы для России был закрыт, торговля с Китаем через

Кяхту сократилась как по внутренним (отсталая, отжившая свой век система торгового обмена), так и внешним (Китай вел с Европой морскую торговлю) причинам. Поэтому Средняя Азия стала рынком, на который российская буржуазия возлагала надежды [28, с. 235-236]. Гражданская война в Северо-Американских Соединенных Штатах также стала фактором повышенного внимания российской буржуазии к менее качественному, но дешевому азиатскому хлопку; продвижение российских коммерсантов на азиатские рынки осуществлялось при активной поддержке государственных структур [1, с. 109].

Основными формами российско-азиатской торговли до строительства железных дорог были караванная с ханствами Средней Азии и транзитно-меновая в Киргизской степи, через которую перемещались караваны; ее участники с российской стороны во второй половине XIX в. действовали в соответствии с реформирующимся торговым законодательством как общероссийского значения, так и разработанного для применения на отдельных территориях государства.

Так, стремясь к расширению социальной базы торговцев, законодатель принимает Положение от 1 января 1863 г. «О пошлинах за право торговли и других промыслов» [21, с. 4], по которому пошлины взимались за тор-

говые свидетельства (патенты), выдаваемые российским подданным всех состояний: купеческие для оптового и розничного торгова и промысловые для мелочного, разнoсного, развозного торгова, мещанских промыслов, купеческих приказчиков. По «Положению о пошлинах за право торговли и других промыслов» от 9 февраля 1865 г. [22, с. 157], приобретение прав купечества стало доступно всем российским подданным, имевшим необходимые для этого капиталы и уплатившим патентные и билетные торгово – промышленные сборы, особые свидетельства для крестьян и мещан отменялись, для ведения мелочной торговли достаточно было приобрести свидетельства 3 и 4 разрядов.

До середины 60-х гг. XIX в. действовал принятый в 1817 г. Азиатский тариф, отличавшийся от европейских тарифов большей либеральностью и стабильностью [29, с. 570]: сырье ввозилось в Россию беспошлинно, полуфабрикаты облагались до 2% от стоимости товара, для обработанной продукции предусматривались средние ставки от 10 до 20%, предметы роскоши – 25% стоимости товара. Все дополнительные пошлины и сборы были отменены, за исключением карантинных сборов. Экспортная пошлина устанавливалась небольшая – 1% от стоимости [30, с. 176].

Стремление к увеличению экспорта в Среднюю Азию привело к принятию именного, данного Сенату указа от 12 декабря 1851 г. «Об облегчениях по Кяхтинской торговле» [23, с. 162], действие его 1 и 2 пунктов распространялись на чай и товары, привозимые к таможенным, состоящим на Сибирской и Оренбургской линиях.

В соответствии с Высочайше утвержденным Положением Сибирского комитета от 15 октября 1852 г. [24, с. 577], разрешалось беспошлинно вывозить в Киргизскую степь через таможенные места Сибирского и Оренбургского таможенного округов «всякого рода хлеб как зерном, так и мукою». В 1852 г. освобождались от оплаты пошлины шерстяные изделия, привозимые из Киргизской степи [33, л.22].

Желая поддержать российское купечество, 25 октября 1854 г. законодатель принимает Положение Сибирского комитета «О пошлине, взимаемой с китайских товаров и чая, привозимых на Сибирскую и Оренбургскую линии» [26, с. 891], в соответствии с которым, если азиатские купцы не несли в России никаких гильдейских повинностей за торговлю китайскими товарами, то с сентября 1855 г. должны были платить пошлину по Тарифу 1817 г. Если они привозили чай из Китая, то должны были платить двойную пошлину против той, которая взималась по Кяхтинскому тарифу.

20 марта 1859 г. был принят именной указ «О мерах по распространению торговых сношений империи с

Бухарой» [27, с. 215], по которому привозимые из Бухары хлопчатая бумага и шелк-сырец освобождались от оплаты карантинного сбора, товары, отправляемые из империи в Бухару, освобождались от уплаты отпускной пошлины и карантинного сбора.

Указанные меры правительства имели действенный результат – анализ таможенных ведомостей по Оренбургской пограничной линии 50-60-х гг. XIX в., отложившихся в Объединенном государственном архиве Оренбургской области, позволяет сделать вывод о достижении Россией активного торгового баланса в российско-азиатской торговле: вывоз готовых товаров из страны начал преобладать над их ввозом [10,11,12,14]. Так, например, с января по май 1858 г. через Звериноголовскую таможенную заставу было вывезено за границу товаров на сумму 29889 руб. 08 коп., а привезено на 13349 руб. 79 коп., по Оренбургской таможенной заставе только за январскую треть было вывезено товаров на сумму 169861 руб. 86 коп., привезено на 78432 руб. 80 коп.; среди привозимых из Средней Азии товаров – овчины, фрукты, хлопок [12, лл.5-24].

Реакцией на поощрительные меры российской власти к российско-азиатской торговле стали расширение во второй половине XIX в. географии выхода российских торговцев и их пестрый социальный состав; при этом, подобно предыдущему периоду, основным связующим звеном между ее участниками оставались татарские купцы, их приказчики и работники.

Выбор торговцами таможен и застав часто зависел от места их проживания, рыночной конъюнктуры, условий заключаемых сделок, наличия родственных и деловых связей, земляческих отношений, информации. Так, в 1852 г. в Бухару и Киргизскую степь через Оренбургскую таможню выехало 347 человек, из которых 247 человек были татарскими крестьянами из Казанской губернии, что составило 71% перешедших границу. В феврале-июне 1861 г. на Троицкой, Орской и Уральской таможенных заставах было зарегистрировано 452 человека, выехавших в Киргизскую степь по торговым делам на 3 месяца; среди них – 239 татар, которые по социальному положению являлись купцами 3 гильдии, крестьянами, что, в целом, составило 53% среди торговцев. Торговыми партнерами татар были бухарские и еврейские купцы, башкирские и русские купцы, мещане, казаки, служилые люди. В январе 1863 г. через Орскую таможенную заставу выехали в Бухару и Киргизскую степь 191 человек, среди которых упоминаются 36 мещан, купцов, купеческих сыновей из Сеитовского посада, 81 татарин из Казанской, Оренбургской, Нижегородской, Симбирской и Самарской губерний – 61,2% торговцев [5, с. 71].

Как видно, торговля с киргиз-кайсаками (так в до-революционный период называли всех кочевников Ка-

захстана и Средней Азии) все активнее развивалась как самостоятельное направление российско-азиатской торговли. Она таила в себе такие опасности, как грабеж со стороны кочевников, лишение свободы для последующей продажи в качестве рабочей силы на рынках Азии. Поэтому купечеству приходилось действовать на свой страх и риск, обзаводится знакомствами, взаимовыгодными деловыми связями. Татары обладали важнейшими маркерами идентичности с азиатами – были мусульманами, говорили на языке, относящемся, подобно казахскому и узбекскому, к тюркской группе языков, следовательно воспринимались больше как «свои» нежели «чужие». Поддержка татар со стороны российского правительства предоставила им беспрепятственные возможности для осуществления торговых операций с жителями Киргизской степи и ханств Средней Азии; вместе с тем, и татарские торговцы были полезны правительству, выступая в качестве мулл, конфиденентов, становясь активными проводниками политических интересов российской власти, законов, информации среди азиатских народов.

В процессе торговой деятельности происходило взаимовыгодное межнациональное взаимодействие российских коммерсантов: русские купцы, боясь быть ограбленными, не желая, будучи христианами, платить в мусульманских странах повышенный налог за право торговли, предпочитали нанимать в качестве приказчиков татар – единоверцев с азиатами: в марте 1863 г. среди выехавших за границу по торговым делам и возвратившихся оттуда через Троицкую таможенную были отмечены приказчики самарского 1 гильдии купца А. Горбунова казанские государственные крестьяне Я. Сейфулмулюков и Г. Хамидуллин, приказчиком торгующего в г. Уральске по свидетельству 3 рода владимирского крестьянина И. Басова служил крестьянин из Казанской губернии Г. Ибатуллин, работниками у троцкого 2 гильдии купца Г. Яшуева работали казанский татарин М. Апсаттаров и купеческий сын Евгений Петров; через Уральский таможенный пункт выехали приказчики и работники из казанских татар торгующего в г. Уральске по свидетельству 3 рода владимирского крестьянина И. Филиппова, самарского 3 гильдии купца М. Куринова, сызранского 3 гильдии купца Е. Пенявина, Нижегородской губернии 3 гильдии купца А. Ванишина, троцкого 3 гильдии купца А. Абубакирова; через Гурьевскую таможенную заставу выехали 5 приказчиков, из которых 4 человека были казанскими татарами (80%). В г. Уральске активно торговали по свидетельству 3 рода казанские татары Г. Гайбадуллин, Г. Буртаев, отправлявшие в Киргизскую степь своих земляков для меновой торговли с киргиз-кайсаками; в апреле 1863 г. выехали в степь приказчики и работники троцких купцов А. Яшуева и Г. Яшуева, Х. Фахрутдинова, А. Абубакирова, Г. Файзуллина, Г. Хайбуллина, Г. Бурнаева, М. Уразаева, С. Габбасова, В. Дмитриева: все доверенные лица купцов были государственными крестьянами Казанской губернии из татар [15, лл.5-28].

Во время остановок караванов в Киргизской степи, происходил обмен товарами между торговцами и киргиз-кайсаками, которые приезжали к караванам для меновой торговли, не поддававшейся какому-либо контролю со стороны российской власти и не облагавшейся пошлиной, что вызывало большую озабоченность у служителей таможен. Например, в 1851-1853 гг. судебная палата Оренбургской губернии рассматривала дело о товарах, тайно увезенных на 200 верблюдах в киргиз-кайсацкие аулы из каравана, направлявшегося из Оренбургской таможни к Троицкому меновому двору [8, лл.6-85]. По пути движения каравана часть товаров, упакованных в 244 тюка, были проданы в киргизских аулах без оплаты пошлины. В ходе следствия выяснилось, что караваны из Кульджи и Чугучака, двигаясь к Троицкой таможне, часто тайно оставляли в казахских аулах чай, золото. Таможенным начальством было объявлено киргиз-кайсакам не только о штрафах за укрывательство товаров, но и о возможном запрете навсегда кочевать между старой и новой Оренбургскими линиями. Караванам разрешалось только выменивать в аулах мелочный товар на баранов для приготовления пищи участникам каравана, запрещалось тайно оставлять товары целыми тюками.

В контрабанде был заподозрен и троцкий 2 гильдии купец Абдулгалий Абубакиров, уличенный в оставлении в степи в 1851 г. части вывезенного их Китая чая и ташкентских бумажных изделий. Купец пытался оправдаться, ссылаясь на необходимость обмена своих товаров на 150 голов КРС с целью пропитания участников каравана.

Казачи Бобровского отряда Оренбургского казачьего войска, обнаружившие контрабандный чай в зимней ставке киргизского старшины Карымсакова, вступили в драку с толпой киргизов, приехавших на телегах за товаром; на месте «битвы» после бегства кочевников осталось 2 телеги с 10 цибиками (так назывался ящик для сухопутной транспортировки чая, в который умещалось 25-35 кг чая) чая и 2 цибика, лежащих на земле. Ставка была оцеплена для осмотра, в результате которого казаки обнаружили 48 цибики чая байхового и 1 место кирпичного чая, зарытыми в скотской яме, прикрытой соломой и песком и 6 цибики в плетне около ставки, зарытые землей и навозом. Весь чай был признан контрабандой и конфискован [9, лл.8-30]. По-видимому, слабость административного контроля на окраинах Российского государства, возможность контрабанды также были факторами привлекательности российско-азиатской торговли для некоторых ее участников.

По мере распространения российской власти на территорию Киргизской степи, границы становились условными и значение меновых дворов как мест аккумуляции товарных потоков стало снижаться. В 1856-1865 гг. по распоряжению Оренбургского и Самарского генерал-губер-

натора начальник Оренбургского таможенного округа производил осмотр состояния меновых дворов Нижнеуральской линии. Выяснилось, например, что плетневый забор Илекского менового двора во многих местах так испортился, что киргизы, приезжая для мены, проезжали через дыры в заборе и таким же образом выезжали из него, ворота менового двора не имели полотен, землянка для письмоводителя «грозила полным развалом», амбары и лавки «требовали полного исправления», землянка для нахождения в зимнее время в часы меновых базаров таможенных чинов была настолько неудобна и ветха, что «угрожала разрушением потолка» и «весьма неприлична для нахождения в ней надзирателя заставы», двор «содержался весьма неопрятно и был наполнен навозом». Поскольку доход с лавок и амбаров менового двора поступал в управление Уральского казачьего войска, то еще в 1854 г. таможенное начальство обращалось к наказному атаману с просьбой исправить забор менового двора и построить новое приличное помещение, в котором бы надзиратель заставы мог с удобством производить таможенные действия во время базарных дней, однако вопрос так и оставался нерешенным.

На меновом дворе насчитывалось 29 лавок. С 1852 г. по 1 апреля 1853 г. российскими торговцами здесь было выменено 229 лошадей, 174 голов КРС, 1311 баранов на общую сумму 6695 руб. 20 коп., с 1 ноября 1853 г. по 1 апреля 1854 г. – 213 лошадей, 782 голов КРС, 2037 баранов на 14590 руб., с 1 ноября 1854 г. по 1 апреля 1855 г. – 233 лошади, 999 рогатого скота, 1714 баранов на 10225 руб., с 1 ноября 1855 г. по 1 апреля 1856 г. – 250 лошадей, 1167 рогатого скота, 4068 баранов на 11811 руб. 8 коп. В указанные годы с менового двора было провезено в Киргизскую степь разного российского товара соответственно на 7693 руб. 94 коп., 6906 руб. 6 коп, 8280 руб. 45 коп., 13715 руб. 96 коп. [13, лл.1-34].

Уральская таможенная застава доносила в 1861 г., что киргизы, привозящие свои товары для обмена на русский товар и хлеб, проходят через реку Урал когда он покроется льдом везде, «где им вздумается», и провозят свои произведения прямо в город, минуя меновой двор и меняют их в лавках или в домах известных им торговцев, а затем удаляются с выменанным в городе товаром в степь «тем же путем, каким пришли».

Не имея достаточных средств для контроля за переходом границы (кроме таможенных объездчиков, находящихся при некоторых пунктах по линии, отстоящих друг от друга на 50 и более верст, другой таможенной стражи здесь не было учреждено) и, находя подобные действия киргизов противозаконными, действительный статский советник Роде просил Оренбургскую Пограничную комиссию сделать извещение ордынцам, кочующим по Нижнеуральской линии, чтобы они везли свои товары и пригоняли скот на меновой двор; в случае

привоза товаров в город мимо менового двора, они будут подвергнуты конфискации, о чем и было объявлено султанам Уральской и Гурьевской дистанций. Жителям Уральска запрещалось покупать и менять у киргизов скот и произведения кочевого скотоводства. Однако, особого эффекта данная мера не имела, российские торговцы, которых на меновом дворе собиралось до 200-300 человек, платили за лавки и несли убытки, а казахи продолжали ездить торговать в г. Уральск. Решением вопроса стало объявление наказного атамана Уральского войска об обложении пошлиной торговлю с лавок в самом городе Уральске.

Состояние калмыковского менового двора по сведениям 1862 г. было в таком неустроенном виде, что в нем не производилось никакой торговли, а киргиз-кайсаки возили свои товары в лавки местных торговцев [13 лл.1-34].

Несмотря на военные действия России с целью установления протектората над ханствами Средней Азии, российско-азиатская торговля продолжалась, и татары традиционно продолжали доминировать среди российских торговцев. В течение январской трети 1865 г. через Орскую заставу выехали в Бухару и Киргизскую степь 154 человек, среди которых упоминаются такие социальные группы татар, как «казанские татары» – 61 человек, сеитовские мещане – 12 человек, татары из государственных крестьян – 3 человека, «татары» – 8 человек, «татары Казанской губернии» – 14 человек, сеитовские второй гильдии купцы – 7 человек; в целом, татары составляли 68,2% среди полиэтнических торговцев; в майской трети 1865 г. в Бухару и в Киргизскую степь выехали 47 казанских татар, сеитовских купцов и мещан из 73 торговцев (64,5%); в апреле 1865 г. через Троицкую таможенную выехали в Киргизскую степь 72 торговца – татарина из 78 человек (92,3%) [16, лл.7-36].

В 1866 г. через Оренбургскую линию проехало 272 татарских торгующих крестьянина из Казанской губернии, 68 приказчиков из татар, торгующих от имени русских купцов (58 из Оренбургской губернии, 1 из Казанской, 3 из Рязанской, 7 из Тамбовской губерний) [6, с.40].

Через Орскую таможенную выехали в январской трети 1867 г. в Киргизскую степь по торговым делам на разные сроки: мещане Сеитовского посада, работники купца сеитовского купца С. Хасанова, сеитовские 2 гильдии купеческие сыновья А. Галиев и Х. Галиев, сеитовский 2 гильдии купеческий внук Х. Абдрахманов, орский 2 гильдии купеческий сын М. Ахмадеев, орские мещане, работники оренбургского купца Юрьева башкир из Сеитовского посада Н. Абдрахманов, казанский мещанин Ф. Биктемиров, унтер-офицерский сын М. Некрасов, казанский татарин Х. Хамитов, сеитовский мещанин И. Ибрагимов, крестьянин Симбирской губернии Б. Абейдинов, казанский татарин С. Фаткуллин. Совместно с татарами выехали в

степь колонист из Самарской губернии Ф. Герцаг, урядник Ильинской станицы В. Трофимов, орские 2 гильдии купцы И. Волгов и А. Огарков с работниками – татарами, оренбургский мещанин К. Солодов, крестьянин Владимирской губернии Н. Юдин, Нижегородской губернии государственные крестьяне А. Солмов и А. Омарин. У каждого торговца было от 4 до 12 приказчиков с работниками, среди которых 125 из 127 человек были татарами. В марте 1867 г. через Троицкую таможенную выехали в Киргизскую степь работники купеческих сыновей М. Садыкова и С. Салихова, А. Бакирова, А. Абдрахимова, А. Фаткуллина, купцов А. Абдулбакирова, Г. Файзуллина, Г. Хайбуллина, А. Яушева и Г. Яушева, А. Бурнаева, С. Якупова, В. Лебедева, Т. Бикчентаева, М. Абубакирова, А. Салихова. Из 45 работников купцов все были татарами [18, лл. 2-18]. В январе 1867 г. через Уральский таможенный пункт вышли в степь 44 торговца – казаки, купцы, мещане, из которых 14 человек (32%) были указаны как «татары» [32, лл. 1-8].

Торговая деятельность российского купечества на восточном направлении имела действенный результат: в отчете управления оренбургского генерал-губернатора о ходе караванной торговли 1867-1868 гг. в министерство финансов отмечалось, что торговля России со Средней Азией находится уже «не в прежнем ее состоянии»: вывоз товаров из России превышает привоз таковых из Средней Азии, количество отправляемой из России монеты значительно уменьшилось, ввоз сырья для русских фабрик увеличился, а привоз мануфактурных среднеазиатских изделий уменьшился. В 1863 г. по таможенным учреждениям Оренбургского округа отвозных товаров в Среднюю Азию числилось на сумму 3066084 руб. 81 коп., монеты и кредитных вкладов на 3143233 руб. 95 коп., а всего на 6209318 руб. 76 коп. В 1867 г. товаров в ханства было отвезено на сумму 10875810 руб. 09 коп., а монеты на 196429 руб. 85 коп., всего на 11072239 руб. 94 коп.; привезенных товаров в 1863 г. значилось на сумму 6344961 руб. 75 коп., в 1867 г. на сумму 9459490 руб. 70 коп. В Россию привозилось преимущественно сырье – хлопок, пряденая бумага, шелк, шерсть и пух, марена, рис, каракуль. Если шелк раньше привозили на 1000 руб., то в 1867 г. на 6000 руб. Мануфактурные изделия Бухары, Коканда, Ташкента и Хивы, привозимые в прежние времена на миллионы рублей и находившие сбыт между киргизами Оренбургскими и Сибирскими, по сведениям, собранным с купцов, теперь продавались «весьма плохо» и совершенно не имели сбыта. На ярмарках во Внутренней Орде, Мензелинске, в Зауральской степи, и других местах стоимость распроданных русских мануфактурных изделий достигла 8 млн. руб., азиатские товары были совершенно вытеснены с этих пограничных рынков [18, лл. 23 об.].

Объем привозимых промышленных изделий из Средней Азии снижался: в 1863 г. было завезено азиат-

ских мануфактурных товаров на 619718 руб. 51 коп., а в 1867 г. – на 407460 руб. 21 коп. [17, лл. 58-59].

После завоевания Россией Бухарского эмирата в 1868 г. и заключения русско-бухарского мирного договора, граждане Российской империи без различия веры получали право вести торговлю на территории эмирата, власти которого обязались обеспечивать их личную безопасность и защищать имущество. Российские купцы могли теперь учреждать здесь торговые агентства, пошлина с ввозимых в эмират российских товаров устанавливалась в размере 2,5 % от их стоимости. По итогам Шаарского мирного договора с Бухарским эмиратом (1873 г.) граждане Российской империи могли свободно проезжать по территории эмирата, устраивать склады, пристани для российских судов, использовать р. Амударью для транспортировки грузов. Купцы Российской империи получили право беспошлинно провозить свои товары в третьи страны по территории эмирата, иметь торговых агентов, караван-сарай. Работоторговля в эмирате прекращалась. В 1873 г. после взятия Хивинского ханства был заключен Гендемианский мирный договор (1873 г.), в соответствии с которым русские купцы также получили право беспошлинного провоза товаров и торговли на территории ханства.

Принятие «Временного положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» в 1868 г. привело к созданию на северо-западе Киргизской степи Уральской и Тургайской областей, переданных в ведение Оренбургского генерал-губернаторства (Уральская область с 1882 по 1917 гг. входила в состав Степного генерал-губернаторства). Все вопросы по организации социально-экономического и политического развития северо-западных территорий Киргизской степи, включенных в состав Российского государства, решались теперь оренбургским генерал-губернатором через областные правления, наделенные административно-полицейскими, финансовыми и хозяйственными функциями.

22 апреля 1868 г. в соответствии с высочайше утвержденным мнением Государственного Совета «Об упразднении Оренбургской и Западно-Сибирской таможенных линий» [25, с. 449] объявлялось о ликвидации таможенной линии, отмене пошлины на российский экспорт и импорт по всей азиатской границе. Фактически же таможенная служба была перенесена на Сырдарьинскую линию, где продолжалось взимание пошлины с караванов, идущих в Оренбург, Нижний Новгород и Москву [18, л. 23].

Административные реформы 1867-1868 гг. привели к разделению сфер влияния между группами купцов сопредельных со степью территорий: зоной деятельности оренбургских и пермских купцов стала западная часть

Киргизской степи, а западносибирских купцов – северная и северо-восточная. Торговля с бывшими ханствами и вновь образованными областями на территории Киргизской степи стала носить внутренний характер, что позволило российской буржуазии ввозить и вывозить товары в любое время, не дожидаясь формирования караванов среднеазиатскими торговцами.

После упразднения Оренбургской таможенной линии и таможни в 1868 г. Меновой двор Оренбурга по Высочайшему повелению от 7 сентября 1868 г. был передан городу Оренбургу за 70 тыс. руб. С 1871 г. в виде опыта на Меновом дворе Оренбурга была открыта ярмарка на 3 года, а с 1881 г. Оренбургский губернатор объявил ярмарку на Меновом дворе постоянной с 1 июня по 1 ноября [2, с.147].

По сведениям июня 1869 г. на Оренбургском меновом дворе было занято 32 лавки с мануфактурным товаром, казахи приезжали в небольшом количестве и то лишь вблизи кочующие, хивинские и бухарские купцы не приехали; в первой половине июля 1869 г. лавок с товарами российскими купцами было занято 47, хивинцы и бухарцы вновь не приехали, мануфактурного товара было продано на 3750 руб., мелочного товара – на 190 руб. Торговля «шла тихо, кроме понедельника». Русские купцы отослали свои товары в степь с приказчиками из татар и киргиз. Во второй половине июля лавок с мануфактурным товаром было занято 59, азиатскими торговцами – 11. За основной проданный товар – мануфактуру и шерсть было выручено 8020 руб., азиатские купцы продали товара на 470 руб., хлебных лавок было занято 16, где состоялась реализация хлеба и муки на 1060 руб., мелочный товар был продан на 350 руб. Купцы также отправили свои товары в степь с татарами и казахами, где они были проданы «весьма успешно и хорошо». В конце июля лавок с мануфактурным товаром было занято 59, с азиатским – 13. Основными российскими товарами были мануфактура и юфть, реализованные на 7050 руб. и выменянные на 2560 руб. Азиатского товара продано на 440 руб., из 24 хлебных лавках было сбыто пшеницы и муки на 1980 руб.; мелочного товара реализовано на 320 руб. Купцы вновь отослали товары в степь, где их успешно реализовали приказчики купцов, добравшиеся теперь до отдаленных казахских аулов, где можно было выменять чай, сахар и ситцы на скот, шерсть и кожи на выгодных для себя условиях [19, лл. 2 об.-3].

Общая стоимость привезенных и отпущенных товаров на Оренбургском меновом дворе в 1868-1872 гг. составила 14080000 руб. По сведениям 1875 г. с Троицкого менового двора было вывезено товаров в Ташкент на 946349 руб., а помимо менового двора – на 1429409 руб., что, в целом, составило 2375758 руб. В Орске из за разрастания города торговля шла на базарах и на меновой двор казахи не приезжали [19, лл. 30, 36, 39].

Основной товар казахского кочевого хозяйства – скот, выменянный в аулах или купленный на ярмарках перегонялся по скотогонным трактам: Уральск – Промзино – Нижний Новгород – Муром – Владимир – Петербург; из Оренбурга скот гнали по маршруту Чистополь – Казань – Нижний Новгород – Ярославль – Петербург; из Троицка скот перегоняли в Казань или в Пермь; мелкий скот перегоняли по маршруту Оренбург – Самара – Казань – Нижний Новгород [3, таблица 2]. Кожи, выделанные и невыделанные, по железным дорогам и воде шли из Самары по Волге или по Каме в Казань, а оттуда в Нижний Новгород, из которого в свою очередь расходились а) в Москву – в Петербург, б) в Кинешму – Ярославль – Рыбинск – Петербург. По этому же маршруту перевозили кости и шерсть [3, таблица 6,7].

Во второй половине XIX в. после присоединения Южного Казахстана и ханств Средней Азии центр юго-восточной торговли переместился в Туркестан, с Оренбургом вступил в соперничество по торговле со среднеазиатскими купцами г. Ташкент [34, с.144-146].

Торговля на Оренбургском меновом дворе не прекращалась: в июне 1880 г. здесь, например, было продано товаров на 4889 руб., выменяно в степи, куплено на меновом дворе и за меновым двором на 161825 руб., в июле соответственно продано на 11091 руб., куплено на 212907 руб., с 28 июля по 3 августа продано на 28032 руб., куплено на 336547 руб., с 18 по 24 августа в оренбургском дворе продано на 15281 руб., куплено на 291741 руб. [20, лл. 2-28].

До появления Закаспийской железной дороги в 1885 г. среднеазиатский хлопок имел только одно направление до Москвы: Ташкент – Оренбург – караванным путем на верблюдах, а затем Оренбург – Москва – по железной дороге; со строительством Закаспийской железной дороги хлопок, хлеб, шерсть, шелк, вата, фрукты, стали направляться по этой дороге и Оренбург начал терять значение посредника между рынками Средней Азии с одной стороны и Нижним Новгородом и Москвой – с другой. Торговля хлопком здесь поддерживалась в связи с тем, что среднеазиатские купцы, торговавшие в киргизских степях Тургайской, Уральской и Акмолинской областей мануфактурным товаром, забирали нужный им товар у Оренбургских купцов в кредит и расплачивались с ними не деньгами, а хлопком.

Хивинские, бухарские и кокандские купцы перестали покупать российские промышленные товары на Оренбургском Меновом дворе, а отправлялись за ними сами на Нижегородскую ярмарку или в Москву. Азиатский мануфактурный товар (шелк, ковры, халаты, материи и проч.) из Оренбурга не вывозился, так как привезенное количество означенных товаров распродалось в розницу во время ярмарки на Меновом дворе и в течение

целого года в постоянных лавках на гостином дворе в Оренбурге [2, с.144].

На Меновом дворе Оренбурга продолжали действовать русские и татарские лавки, где продавался только мануфактурный и бакалейный товар и то самый простой для киргиз.

Экономика России в пореформенный период активно развивалась. Продукция бумаготкацкого производства, например, увеличилась с 48 млн. руб. в 1870 г. до 237,5 млн. руб. в 1897 г. Объем производства кожевенной продукции увеличился с 14,6 млн. руб. в 1866 г. до 26,7 млн. руб. в 1890 г. [4, с.19].

Подобные темпы развития российской экономики требовали появления нового типа предпринимателя: активного, деятельного, нестандартно мыслящего, готового к нововведениям.

Среди известных торговцев из числа татар в регионе во второй половине XIX в. в Оренбурге – братья Кадыр и Шакир Рахимовы, Абдулла Кинипеев с сыновьями, в Троицке – Яушевы и Рафиковы, наследники Ахметши Бакирова. В Орске ведущую роль в городской торговле играли Ахметсадий и Бибикамилл Бурнаевы, братья Ураевы, Рахматуллины, М. Файзуллин.

Уникальным явлением в татарском мире стала группа купцов 1-ой гильдии – Ахмеда, Гани и Махмута Хусаиновых – выходцев из Сеитовского посада, которым концентрация капитала, опыт участия в российско-азиатской торговле позволила приспособиться к новой экономической ситуации, связанной с из-

менением роли Оренбурга как цитадели российско-азиатской торговли: начав с деятельности созданной в 1861 г. общей фирмы «Ахмет Хусаинов и братья», они сумели создать широкую торговую сеть, которая охватила основные торговые центры Российской империи, Средней Азии и некоторые города Западной Европы. Их торгово–предпринимательская деятельность характеризовалась не только всероссийским, но и мировым масштабом, они стали новыми лидерами татарской буржуазии.

Успех Хусаиновых объяснялся тем, что один из братьев – Габдельгани с 1869 по 1892 гг. жил в г. Казалинске и скупал в Туркестане дешевую кожу, шерсть, другую продукцию скотоводства, второй брат – Ахмет ездил в Нижний Новгород, Казань, Москву и привозил оттуда мануфактурные изделия, а третий – Махмут жил в Оренбурге и являлся посредником между Туркестаном и Центральной Россией [35, с.168].

Мобилизация татар российским правительством для участия в российско-азиатской торговле, начавшаяся еще во второй трети XVIII в. – это составная часть стратегического курса государства, выразившегося в экономических, военных, политических, дипломатических, законодательных мероприятиях в азиатском регионе с целью защиты южных окраин от набегов кочевников и действий Великобритании в ее стремлении к мировой экспансии.

Пользуясь поддержкой государства, татары организовали взаимовыгодное международное взаимодействие и сотрудничество с азиатскими народами, в частности, на основе торговых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманов К.А. Торговля оренбургских купцов на азиатском направлении во второй половине XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. №1(17). С. 107-114.
2. Гельмгольц Ф. Оренбургский меновой двор. Статистический очерк / Известия Оренбургского Отдела Императорского Русского Географического Общества/ Географическое общество (Оренбургское). Вып.3. 1894 г. Оренбург: Типо-Литография Губернского Правления, 1893. 71 с.
3. Графические изображения исследования по вопросам, относящимся к производству торговли и передвижению скота и скотских продуктов в России и за границу, произведенные по поручению МВД совещательным членом Высочайше утвержденного ветеринарного комитета И.С. Блиохом. СПб., 1876. Таблица 1,2,6,7.
4. Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 235 с.
5. Жакупбекова Д.Ж. Торгово-промышленное предпринимательство в Казахстане во второй половине XIX-начале XX вв. (на материалах Уральской и Тургайской областей): Дисс... канд. ист. наук. Алматы, 1994.160 с.
6. Кожакметова Г.К. Роль караванных трактов в формировании регионального торгового рынка северо-западного Казахстана и Южного Урала (XIX век) // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2006.№4 (43). С.39-41.
7. Кононкова Н.В. Государственно-правовое регулирование внешней торговли в Российской империи в первой половине XIX в. // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. №50. С.94-99.
8. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО).
9. ОГАОО. Ф.6.Оп.10.Д. 6510.
10. ОГАОО. Ф.6.Оп.10.Д.6539.
11. ОГАОО. Ф.6.Оп.10.Д.6768.

12. ОГА00. Ф.6. Оп.10. Д.7223.
13. ОГА00. Ф.6. Оп.10. Д.7436.
14. ОГА00. Ф.6. Оп.10. Д. 7245.
15. ОГА00. Ф.6. Оп.10. Д.7773
16. ОГА00. Ф.6. Оп.10. Д.7862
17. ОГА00. Ф.6. Оп.10. Д. 7989.
18. ОГА00. Ф.6. Оп.10. Д. 8167.
19. ОГА00. Ф.6, оп.10, Д.8233.
20. ОГА00. Ф.6, оп.10. Д.8238.
21. ОГА00. Ф.6, оп.10. Д.8566.
22. ПСЗРИ. Собр. II. Том 38. № 39118.
23. ПСЗРИ. Собр. II. Том 40. №41779.
24. ПСЗРИ. Собр. II. Том.26. №25819.
25. ПСЗРИ. Собр. II. Том 27. №26635.
26. ПСЗРИ. Собр. II. Том 43. №45751.
27. ПСЗРИ. Собр. II. Том 29. №28690.
28. ПСЗРИ. Собр. II. Том 34. №34262.
29. Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. М.: Академия наук СССР, 1963. 238 с.
30. Солонченко Е.А. Азиатский тариф и таможенный Устав 1817 г. и попытки их пересмотра в первой половине XIX в. Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. №16 (135). С.570-572.
31. Струве Б.П. Торговая политика России. Санкт-Петербург: Касса взаимопомощи студентов Политехн. ин-та имп. Петра Великого, 1913. 244 с.
32. Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М.: Высшая школа, 1982. 240 с.
33. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). ЦГА РК. Ф.804. Оп.1. Д.14.
34. ЦГА РК. Ф.565. Оп.1. Д.17.
35. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип-я Оренбургского губернского правления, 1859. 472 с.
36. Шайдуллина Р.Р. Торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность братьев Хусаиновых (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дисс. ... канд.ист.наук. Казань, 2010. 212 с.

© Гибадуллина Эльза Маратовна (gibelza@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»